

А. А. Борисов

У самоедов

От Пинегы до Карского моря

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б82

Борисов А.А.
Б82 У самоедов: От Пинеги до Карского моря / А. А. Борисов – М.: Книга по Требованию, 2015. – 180 с.

ISBN 978-5-458-06196-4

Путевые очерки художника Александра Алексеевича Борисова. С автобиографической заметкой и с 36 снимками с картин автора, из коих 15 в красках.

ISBN 978-5-458-06196-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Оглавленіе.

	Стран.
Вступленіе. Мое дѣтство.—Поѣздка въ Соловки.—Юношескіе годы.—Бѣгство изъ дому.—Въ Петербургѣ.—Академія художествъ.—Полярныя путешествія.—Мечты о полярной художественной экспедиціи	1—6
Глава первая. Начало путешествія.—Санний путь тайболой.—Жители рѣкъ Пинеги, Мезенки, Печоры и ихъ промыслы.—Охота на оленей.—Ловля бѣлыхъ куропатокъ.—Селеніе Усть-Цильма.—Пустозерекъ.—Встрѣча съ самоѣдами и дальнѣйшій путь на оленяхъ.—Самоѣдка «Иринья».—Въ спальномъ мѣшкѣ	7—18
Глава вторая. Большеземельская тундра.—Оленеводство самоѣдовъ.—Частыя падежи на оленей.—Мѣновая торговля съ зырянами.—Будущее оленеводства . . .	19—26
Глава третья. Пастьба оленей.—Ихъ дрессировка.—Жизнь въ тундрѣ.—Мягель.—Угощеніе сырыми оленьими почками.—Кровь.—Бѣгство Ириньи и поиски ея .	27—39
Глава четвертая. Иринья въ роли хирурга.—Поѣздка къ самоѣду «Маера».—Вьюга среди тундры.—Въ поискахъ за оленями.—Важанки.—У самоѣда «Сяскѣ».—Въ чуму у Хааптиса .	40—49
Глава пятая. 1 Мая.—На лыжахъ.—Дальнѣйшее путешествіе близъ моря.—Лакомство изъ молодыхъ роговъ оленя.—Бѣльковъ носъ.—Гнѣзда сарыча и полярной совы.—Разсказъ самоѣда.—Холодная ванна.—Кладовыя сани.—Пеструшки	50—59

	Стран.
Глава шестая. Югорскій шаръ.—Селеніе Никольское.—Женитьба у самоѣдовъ.—Ихъ поэзія.—Промыслы.—Торговцы и эксплуатація самоѣдовъ.—Роль водки при мѣнновой торговлѣ съ ними	60—71
Глава седьмая. Сувѣрія самоѣдовъ.—Человѣческія жертвы богамъ.—Разсказъ Терентьева.—Мой разговоръ съ самоѣдами по поводу ихъ человѣческихъ жертвъ.—Торговля водкой.—Раціональная организація ея	72—79
Глава восьмая. Островъ Вайгачъ.—Путь на сѣверъ.—Переправа черезъ рѣку Талату.—Туманы.—По припаямъ.—Воронъ нось.—Кресты	80—88
Глава девятая. Болванскій носъ.—Священное мѣсто самоѣдовъ.—Кладбище.—Поѣздка въ самоѣдскую Мекку.—Ихъ боги.—Главная обитель бога.—Обратный путь къ Югорскому Шару.—Лямчинъ носъ.—Моржевыя кости.—Гнѣздо сокола.—У самоѣда Холи.—Поѣздка на сторожевой островъ.—Итоги	89—104

Вступленіе.

Мое дѣтство.—Поѣздка въ Соловки.—Юношескіе годы.—Бѣгство изъ дому.—Въ Петербургѣ.—Академія Художествъ.—Полярныя путешествія.—Мечты о полярной художественной экспедиціи.

Крайній сѣверъ, съ его мрачной, но мощной и таинственной природой, съ его вѣчными льдами и долгой полярной ночью, всегда привлекалъ меня къ себѣ. Сѣверянинъ по душѣ и по рожденію, я всю жизнь съ ранней юности только и мечталъ о томъ, чтобы отправиться туда, вверхъ, за предѣлы Архангельской губерніи.

Родился я въ 1868 году въ деревнѣ Глубокой Ручей Вологодской губерніи, Сольвычегодскаго уѣзда, на берегу Сѣверной Двины. Дѣтство провелъ среди крестьянской обстановки, но душа моя была далеко не покойна. Мысли мои неслись куда-то далеко, въ невѣдомыя страны на сѣверъ; я думалъ: «вотъ гдѣ просторъ и раздолье, вотъ гдѣ можно пожить!» Грамотѣ началъ я учиться по псалтири у крестьянина-сосѣда, такъ какъ школъ въ то время у насъ не было, да и грамотныхъ людей вообще было очень мало.

Лѣтъ десяти я былъ страшно боленъ, на выздоровленіе не было никакой надежды, и мои родители дали обѣщаніе, если я поправлюсь, послать меня въ Соловецкій монастырь работать бесплатно на цѣлый годъ. Я выздоровѣлъ и 15-ти лѣтъ былъ отправленъ въ Соловки. Тамъ меня опредѣлили на

рыболовную тону. Это занятіе мнѣ было какъ нельзя болѣе по душѣ, и я съ величайшимъ удовольствіемъ, не замѣчая, какъ быстро летѣли дни, скитался по неизвѣданнымъ лѣснымъ озерамъ, ставилъ сѣти и ловилъ рыбу, или еще съ большимъ рвеніемъ пускался въ море, въ лабиринтъ сосновскихъ острововъ, и подолгу развѣзжалъ тамъ, слушая пѣніе лѣтнихъ пернатыхъ гостей. Въ юной моей головѣ роились тысячи прекрасныхъ картинъ, дивныхъ мечтаній.

Черезъ годъ я вернулся домой, но душа моя еще больше куда-то неудержимо рвалась. Не интересовали меня игры и развлеченія моихъ юныхъ сверстниковъ. Они, бывало, идутъ по праздникамъ въ свободное время на гулянья, въ хороводы, а я запираю ручей, устраиваю прудъ, ставлю туда только-что слѣланную модель лѣсопильнаго завода, видѣннаго мною въ Соловкахъ, и пускаю воду. Вода вертитъ водяныя колеса, и весь заводъ приходитъ въ движеніе. Отъ восторга прыгаю по зеленой травѣ—вотъ мое развлеченіе! Я и раньше очень любилъ машины (мельницы, пароходы), а теперь, послѣ Соловокъ, полюбилъ еще больше. Сижу, бывало, стругаю что-нибудь, задумаюсь и забуду свои крестьянскія работы. Придетъ отецъ, все переломаетъ, чтобы положить этому конецъ. Я долго-долго плачу, соберу остатки своихъ построекъ и снова, тайкомъ отъ отца, гдѣ-нибудь въ пустой избѣ начинаю мастерить свою затѣю. Картинъ и рисунковъ я не видалъ никакихъ, кромѣ иконъ. Случилось, пріѣхали живописцы расписывать Красноборскую церковь. Я пошелъ къ обѣднѣ и впервые увидѣлъ изображеніе масляными красками на стѣнѣ. Это меня страшно поразило; въ особенности меня удивило то, что на плоскости можно добиться такого рельефа. Досталъ я себѣ книжку «Родное слово» и со всею страстью юнаго сердца сталъ рисовать. Рисовалъ по

ночамъ при дымной лампѣ, такъ какъ днемъ надо было работать, помогать отцу. Да и ночью рисовать рѣдко позволяли: попусту-моль жгу керосинъ, да и спать не даю.

Долго боролся я съ неотступной мыслью оставить родительскій домъ. Наконецъ, 18-ти лѣтъ снова рѣшилъ попасть въ Соловки, чтобы тамъ поступить въ иконописную или механическую мастерскую. Иного выхода не было, такъ какъ для всякаго другого ученія нужны были деньги. Съ этой цѣлью я досталъ себѣ тихонько отъ отца годовой паспортъ, благодаря тому, что старшиной въ волостномъ правленіи служилъ мой дядя, и уговорилъ мать весной пойти въ Соловки на недѣлку—поклониться святынѣ. Мать, не подозрѣвая того, что у меня есть годовой паспортъ, согласилась на мои просьбы. Когда же мы попали въ Соловки, я сказалъ ей, что назадъ я съ ней не пойду, что у меня есть уже и паспортъ. Она сначала этому сопротивлялась, но за меня вступился строитель Савватіевскаго скита о. Ионафанъ (нынѣ архимандритъ Ионафанъ, настоятель Печенѣгскаго монастыря) и убѣдилъ мать не противиться моему сильному стремленію. Сталъ я опять рыбакомъ въ Савватіевской пустынѣ, а потомъ былъ взятъ въ иконописную мастерскую, гдѣ и работалъ дни и ночи.

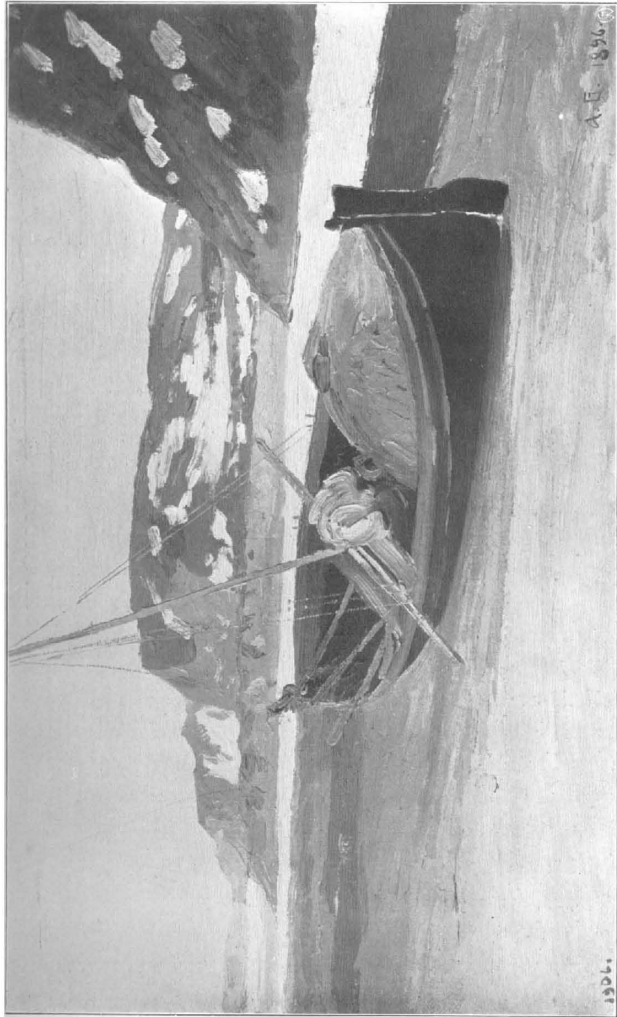
Въ 1885 году Соловецкій монастырь посѣтилъ Е. И. В. Великій князь Владиміръ Александровичъ и обратилъ вниманіе на мои шестимѣсячные успѣхи. Это дало мнѣ сильный толчекъ и сыграло въ жизни моей огромное значеніе. Въ 1886 году пріѣзжалъ въ Соловки добрѣйшій А. А. Боголюбовъ, который и вывезъ меня впоследствии въ Петербургъ. Въ Петербургѣ я сначала поступилъ въ рисовальную школу Императорскаго общества поощренія художествъ, а затѣмъ вольнослушающимъ въ академію художествъ. Въ 1895 году я сдалъ экзаменъ по

научнымъ предметамъ и поступилъ въ число дѣйствительныхъ учениковъ академіи художествъ. Въ 1897 году я окончилъ академію и предпринялъ цѣлый рядъ полярныхъ путешествій съ художественными цѣлями.

Послѣ природы родныхъ лѣсовъ Вологодской губерніи, наибольшее впечатлѣніе произвели на меня льды и бѣлыя ночи Соловецкія и, можетъ быть, по этой причинѣ меня всегда тянуло на сѣверъ, хотя и до того рассказы и описанія полярныхъ путешествій не давали душѣ моей покоя.

Прошли годы ученья, въ теченіе которыхъ мнѣ удавалось урывками побывать и на родномъ Соловецкомъ, и въ Печенгѣ, у высокочтимаго игумена Юнаана, и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Мурманскаго побережья. Всюду со мною были краски и палитра, но этого оружія оказывалось недостаточно, чтобы даже приблизительно передать окружавшія меня картины полярной природы. Много меня ободрилъ дорогой Илья Ефимовичъ Рѣпинъ, который написалъ восторженные статьи въ печати о моихъ картинахъ и мой незабвенный учитель И. И. Шишкинъ, который и поставилъ меня на твердую дорогу, заставивъ изучать рисунокъ съ тою настойчивостью и вниманіемъ, какія характеризуютъ этого великаго мастера. Совѣты второго моего учителя, дорогого А. И. Куинджи, раскрыли предо мной новые горизонты въ смыслѣ колорита, и я еще больше потянулся къ тѣмъ необычайнымъ красотамъ, которыя только и могутъ дать лѣтнія сѣверныя ночи: то грозное, то ласкающее небо и вѣчные странники Ледовитаго океана — могучіе полярные льды.

Благодаря стеченію обстоятельствъ и поддержкѣ вѣчно мною оплакиваемого М. И. Кази, лѣтомъ 1896 года я попалъ на Новую Землю.

7 А. А. Борисовт.

Промысловая лодка «Езра» на Мурманѣ.

Тѣ впечатлѣнія, которыя я переживалъ наединѣ съ нѣсколькими самоѣдами, и въ смыслѣ художественномъ, и въ смыслѣ скитальца по неизвѣданнымъ странамъ, глубоко запали мнѣ въ душу, и въ моей головѣ созрѣла мысль снова посѣтить далекій сѣверъ, но уже при такихъ условіяхъ, которыя дали бы мнѣ не только матеріалъ для этюдовъ, но и позволили произвести нѣкоторое географическое изслѣдованіе восточнаго побережья Новой Земли и обогнуть, если представится возможность, самую сѣверную оконечность острова — «Мысь Желанія». Въ головѣ роились мысли о мѣстахъ, гдѣ когда-то бывали малоизвѣстные подвижники русскаго дѣла: Савва Ложкинъ, штурманъ Розмысловъ, Чиракинъ, Пахтусовъ, Циволька и проч., и проч., и брала досада, что рядомъ съ этими священными для всякаго русскаго именами приходится встрѣчаться на искони русскомъ побережьи съ именами разныхъ иноземныхъ путешественниковъ, по большей части лишь одушевленныхъ корыстными чувствами. Хотѣлось дополнить хотя бы въ слабой степени географическія свѣдѣнія о наиболѣе для насъ интересныхъ мѣстахъ Новой Земли и привлечь къ ней вниманіе общества.

Но главная задача моя была художественная: мнѣ хотѣлось написать цѣлую серію картинъ и показать всему свѣту тѣ необычныя красоты загадочнаго полярнаго міра. Мнѣ хотѣлось похитить его молчаливую тайну и подѣлиться ею съ другими широкими кругами. До сихъ поръ созерцали этотъ таинственный волшебный міръ только одни путешественники, которые нерѣдко платили за это жизнью. Они описывали его восторженными словами иногда красиво, иногда увлекательно!.. Но развѣ можно передать перомъ эту дивную сказку заснувшей, или быть можетъ, навѣки умершей природы. Можно плакать,

молиться, стоять на колѣняхъ передъ этимъ дивнымъ твореніемъ Бога, но написать невозможно!..

Къ счастью, мои начинанія встрѣтили могущественную поддержку въ лицѣ министра финансовъ С. Ю. Витте. Этотъ человѣкъ вѣрилъ мнѣ; онъ представилъ меня Императору... И впослѣдствіи всѣ мои силы направлены были къ тому, чтобы не было стыдно ему за меня. Это заставляло меня иногда пробиваться съ рискомъ для жизни—голодать, мерзнуть во льдахъ, но я всегда помнилъ и всегда неуклонно двигался къ цѣли. Въ тоже время на работы мои обратилъ вниманіе человѣкъ съ именемъ, извѣстнымъ всей художественной Россіи, безвременно скончавшійся П. М. Третьяковъ. Удачная продажа ему для его Московской галлерей первой серіи моихъ новоземельскихъ этюдовъ и большой картины, бывшей на конкурсной выставкѣ въ академіи художествъ 1897 года, вмѣстѣ съ щедрой субсидіей Государя Императора, позволили мнѣ приступить къ осуществленію давно лелѣяннаго плана, но тѣ-же исключительно благопріятныя условія возлагали на меня и большую отвѣтственность—хотѣлось сдѣлать все, что отъ меня ожидаютъ и что я самъ себѣ предназначталъ. Пожалуй, это не сбудется, но, по крайней мѣрѣ, совѣсть моя будетъ спокойна, что я сдѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ и въ моемъ умѣніи.
